

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-1-80-85

АНТИТЕТИЧНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ»**Т. Б. Ильинская***Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. В последние годы рассказ «Человек на часах» рассматривается лесковедом не только в рамках цикла «Праведники», но и становится предметом монографического анализа. Можно отметить пристальный исследовательский интерес к неоднозначно интерпретируемой христианской семантике рассказа («доминирующий христианский гуманизм» рассказа у А. М. Елизаровой, «серия отчетливо “христианских” мотивов» у А. К. Жолковского, «крещенский рассказ» у А. А. Новиковой-Строгановой). Признавая ценность наблюдений вышеупомянутых коллег, хочется обратить внимание на ряд особенностей рассказа «Человек на часах», связанных с евангельскими идеями, сюжетами и образами, а также православными традициями. **Цель исследования** – рассмотреть систему христианских мотивов рассказа «Человек на часах» и предложить новую концепцию христианской семантики произведения Лескова. **Материалы и методы.** Помимо канонического текста рассказа «Человек на часах», для исследования обозначенной в заглавии статьи проблемы был использован текст первой публикации данного произведения в журнале «Русская мысль» (1887. IV). В ходе анализа применялись сравнительно-сопоставительный, структурно-описательный и мотивный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** Религиозно-гуманистическая проблематика рассказа реализуется через комплекс мотивов, имеющих явно христианский смысл или же антихристианский. Христианские мотивы спасения, милосердия, смирения, сердца как средоточия духовной жизни человека начиная с седьмой главки рассказа начинают вытесняться мотивами мнимохристианскими, формирующимися или на основе подмены христианских понятий, или профанирования христианских духовных практик. Авторская правка, внесенная в окончательный текст, укрупняет и типизирует действия честолюбцев, использующих христианские установления для карьерных успехов. **Заключение.** Итогом проведенного исследования стал вывод об антидетической структуре рассказа, построенного на противостоянии подлинно христианских и мнимохристианских мотивов.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «Человек на часах», праведничество, мотив, святочный рассказ, антитеза
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ильинская Т. Б. Антидетические мотивы в рассказе Н. С. Лескова «Человек на часах» // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 1. С. 80–85. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-80-85>

ANTITHETIC MOTIVES IN THE STORY OF N. S. LESKOV “THE SENTRY”**T. B. Ilyinskaya***Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract. Introduction. In recent years, the story “The Sentry” has been considered by Leskov scholars not only within the framework of the cycle “The Righteous”, but has also become the subject of monographic analysis. One can note the close research interest in the ambiguously interpreted Christian semantics of the story (“dominant Christian humanism” of the story in A. M. Elizarova, “a series of distinctly “Christian” motives” in A. K. Zholkovsky, “the Epiphany story” in A. A. Novikova-Stroganova). While recognizing the value of the observations of the above-mentioned colleagues, we would like to draw attention to a number of features of the story “The Sentry” associated with evangelical ideas, plots and images, as well as Orthodox traditions. **The purpose** of the study is to consider the system of Christian motives in the story “The Sentry” and to propose a new concept of Christian semantics of Leskov's work. **Materials and methods.** In addition to the canonical text of the story “The Sentry”, the text of the first publication of this work in the journal “Russian Thought” (1887. IV) was used to study the problem indicated in the title of the article. In the course of the analysis, comparative-contrastive, structural-descriptive and motive methods were used. **Research results, discussions.** The religious and humanistic problems of the story are realized through a set of motives that have a clearly Christian meaning or an anti-Christian one. Christian motives of salvation, mercy, humility, heart as the center

of spiritual life of a person, starting from the seventh chapter of the story, begin to be supplanted by pseudo-Christian motives, formed either on the basis of substitution of Christian concepts, or profanation of Christian spiritual practices. The author's revision, introduced into the final text, enlarges and typifies the actions of ambitious people who use Christian regulations for career success. **Conclusion.** The result of the conducted research was the conclusion about the antithetical structure of the story, built on the opposition of genuine Christian and pseudo-Christian motives.

Keywords: N. S. Leskov, “The Sentry”, righteousness, motive, Christmas story, antithesis

The author declares no conflict of interest.

For citation: Ilyinskaya T. B. Antithetic motives in the story of N. S. Leskov “The Sentry”. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-80-85>

В последние годы рассказ «Человек на часах» рассматривается лесковедом не только в рамках цикла «Праведники», но и становится предметом монографического анализа. Можно отметить пристальный исследовательский интерес к неоднозначно интерпретируемой христианской семантике рассказа («доминирующий христианский гуманизм» рассказа у А. М. Елизаровой [1, с. 65], «серия отчетливо “христианских” мотивов» у А. К. Жолковского [2], «крещенский рассказ» у А. А. Новиковой-Строгановой[3]).

Входящий в лесковский «праведнический» цикл рассказ «Человек на часах» (1887) в сюжетном и хромотопическом отношении связан с событиями праздника Богоявления, а также с традициями и обычаями, сопровождающими этот праздник в русском православии. Время действия – канун Крещения, главное событие – спасение утопающего, в рассказе неоднократно упоминается иорданская прорубь, завершается повествование авторским словом о людях, «которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было»¹ (с. 173).

На этом основании в современной лесковедане встречается утверждение о том, что особенностью этого произведения является его принадлежность не только к лесковским «праведническим» рассказам, но и к святочным [3, с. 1].

Однако, с нашей же точки зрения, именно не соответствующие святочному жанру особенности рассказа составляют его главное содержание, образуют его мотивный комплекс. Обратим внима-

ние на противоречащие жанру святочного рассказа характерные черты лесковского произведения.

Во-первых, Крещенские реалии предстают в рассказе в предельно сниженном виде. Характерное для Крещения погружение в воду здесь невольное, и в проруби оказывается не богомолец ради очищения от грехов, а пьяный («был выпимши... Хотел перейти поближе через лед, сбился и попал в воду» (с. 166), – так объясняет он). Неоднократно в рассказе речь идет о губительности иорданской проруби, что также не соответствует семантике святочного повествования: «...попадет в иорданскую прорубь. Там ему нырок под лед и конец...»; «Тут вот сейчас и есть иорданская прорубь... Конец!» (с. 156–157). Как можно заметить, иорданская прорубь оказывается в очень странном для святочного рассказа контексте, соседствуя со словом «конец», то есть смерть, в то время как погружение в иорданскую прорубь, как и само таинство крещения, символизирует возрождение к новой жизни. Под стать такому необычному началу рассказа, когда крещенская вода мыслится как нечто погубительное, канун праздника Богоявления (также называемого Просвещение) отнюдь не просвещает Светом Христовым тех героев рассказа, которые попирают христианские заповеди, хотя и позиционируют себя как набожных православных христиан.

Во-вторых, рассказ построен как противостояние христианских и мнихристианских мотивов, и к последним можно отнести и разуверение архиерея в необходимости покаяния, и ложь генерала о поминании за здравие, и убеждение одного из главных героев в том, что «милосердием Божиим» является награждение непричастного и наказание невинного.

¹ Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1958. Т. 8. С. 154–173. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

Обратимся вначале к подлинно христианским мотивам рассказа. Христианская точка зрения на происходящее, с которой солидаризируется автор во внесюжетных главах, содержится уже в названии рассказа. К такому заглавию Лесков пришел не сразу, сначала рассказ публиковался под названием «Спасение погибавшего». Это первоначальное заглавие восходит к названию медали «За спасение погибавших», речь о которой неоднократно идет в рассказе. Идея заглавия и стержневого мотива вполне могла иметь одним из источников прежнее название этой медали, которая в 1818–1828 гг. именовалась «За спасение человечества» и была предназначена для награждения тех, кто совершил «подвиги человеколюбия с риском собственной жизни». Как можно заметить, и в названии, и в официальном описании этой медали подчеркивается христианский смысл поступка, за который дается такая награда: словосочетания «спасение человечества», «подвиги человеколюбия» коррелируют со словами Христа об истинной любви («Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» – Ин. 15: 13), а также придают неоднозначность и глубину понятию «спасение», восходя опять же к Тому, Кто отдал свою жизнь за спасение рода человеческого.

Если сравнить окончательное название рассказа – «Человек на часах» – с его переводом на английский язык (данное таким знатоком Лескова, как Х. Маклин – «The Sentry» [4, с. 758], что означает «Часовой»), то станет особенно очевидной авторская акцентация в окончательном заглавии слова «человек» (это обстоятельство не раз отмечалось в лесковiane; см. напр. [3, с. 2]). Хотя слово «часовой» многократно используется в рассказе, Лесков называет рассказ не как обозначение воинской роли солдата Постникова, а дает такое заглавие, которое становится элементом стержневого мотива рассказа – мотива человеколюбия (что характерно для «творческого христианского гуманизма» русской литературы XIX в. – [5, с. 219]). Слово «человек» является в заглавии средством духовно-нравственной оценки и коррелирует с мотивом гуманности, человечности, проходящим через весь рассказ. Так, о Миллере: «Это был человек с так называемым *«гуманным»* направлением, которое за ним было давно замечено и немножко вредило ему по службе во внимании высшего началь-

ства» (с. 155); люди, не симпатизировавшие Свиныну, потому что тогда еще не совсем вывелся *«гуманизм»* и другие ему подобные заблуждения» (с. 160); «...сказал несколько колкостей Миллеру, попрекнув его *«гуманерией»*, которая ни на что не пригодна в военной службе» (с. 161)).

Возвращаясь к смыслу заглавия, необходимо сказать, что не только слово «человек» в контексте всего рассказа обретает христианские коннотации («Се, Человек» – Ин. 19: 4–5), но и фразеологизм «(стоять) на часах» также имеет более глубокий смысл, означая не только «находиться в карауле», но и «бдеть, охранять, бодрствовать» (ср.: «Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет» – Мф. 25:13). Мотив бдительности, постоянной личной готовности к встрече со Христом проходит через весь Новый Завет, находя выражение, в частности, в евангельских притчах (о десяти девах, о верном и злом рабе и др.), и в контексте всего рассказа означает готовность проявить христианскую любовь в самой, с житейской точки зрения, «неподходящей» для этого ситуации. Поэтому исполненный милосердия поступок Постникова является, с одной стороны, нарушением воинского устава, а с другой – исполнением христианской заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22: 39), и для Постникова соблюдение заповеди важнее устава [6, с. 155].

С мотивом человечности тесно связан в лесковском рассказе и библейский мотив противоборства сердца и ума, занимающий важное место в рассказе. Подобным образом как в Библии доминирование сердца приводит даже к противопоставлению его уму: «надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой» (Притч. 3:5), – у Лескова борьба между доводами рассудка и велением сердца заканчивается следованием зову сердца. Контрастны по семантике следующие соседствующие эпизоды.

Оценка ситуации с точки зрения разума: «солдат он был *умный* и исправный, *с рассудком ясным*, и отлично *понимал*, что оставить свой пост есть такая вина со стороны часового, за которою гонка сквозь строй шпицрутенами и каторжная работа, а может быть даже и «расстрел» (с. 157).

Оценка ситуации сердцем: «...*сердце* у Постникова очень непокорное: так и ноет, так и стучит, так и замирает... Хоть вырви его да сам себе

под ноги брось <...> За один получас, пока это длилось, солдат Постников совсем истерзался *сердцем* (с. 156–157); о Постникове: «*чистосердечно* рассказал» (с. 159), «*сердобольный* и нервный Постников», о Миллере: «*мягкосердечие*» (с. 159). Необходимо по этому поводу заметить, что в новозаветном и святоотеческом учении о сердце человека речь идет о том, что сердце – это средоточие человеческого существа, нечто глубинное, центральное в нем (сердце – как «середина»). В Новом Завете также неоднократно утверждается, что сердце есть орган для *восприятия горнего мира*: «вселиться Христу в сердца ваши» (Еф. 3:17). Можно отметить, насколько подробно у Лескова описывается непроизвольность и безотчетность гуманного порыва Постникова.

Переключка и переплетение вышеуказанных мотивов, а также мотивов спасения и христианской любви, завершается их слиянием в последней, внесюжетной, главке рассказа, в авторских словах о людях, которые «любят добро просто для самого добра» и которые «должны быть вполне довольны святым порывом любви» (с. 173).

Противоборство рассмотренных выше христианских мотивов рассказа с мнимохристианскими составляет художественный конфликт произведения, построенного на антитезе человечности и карьеризма, праведности и жестокости.

Мнимохристианские мотивы образуются в рассказе действиями карьеристов, «службистов», честолюбцев, которым сообщается удача скрыть истину с помощью награждения мнимого спасителя и наказания спасителя истинного. При этом они изображены отнюдь не религиозными лицемерами, прячущими под маской христианских добродетелей свои злые намерения. Свиный постоянно призывает имя Божие, искренне считает, что дело приняло столь счастливый для него оборот «милостию Божью» («всем этим мы, без сомнения, обязаны милосердию Божью» (с. 168)). Про инвалидного офицера, лгуна и «проходимца», Свиный говорит, что «им нужно было воспользоваться для *спасения* многих» (с. 168) – то есть тех офицеров, которых мог постигнуть гнев высшего начальства в случае огласки истории с часовым. Таким образом, налицо искаженные, вывернутые наизнанку представления о том, кого спасали. В логике «службиста» и честолюбца Свинына

спасенный «погибавший» – это он сам, чья карьера чуть не пострадала от того, что его солдат Постников спас тонущего человека.

Наряду с подменной понятием «спасение» и «милосердие», в рассказе имеется сцена глумления над христианскими установлениями. Обер-полицеймейстер Кокошкин, поняв, что желающий награды инвалидный офицер – это спаситель мнимый, а чуть живой спасенный не помнит, кто его спасал, тем не менее закрепляет ложь следующим образом:

- Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодетель. Благородный человек жертвовал за тебя своею жизнью!
- Век буду помнить.
- Имя ваше, господин офицер? Офицер назвал себя по имени.
- Слышишь?
- Слушаю, ваше превосходительство.
- Ты православный?
- Православный, ваше превосходительство.
- В поминанье за здоровье это имя запиши.
- Запишу, ваше превосходительство.
- Молись богу за него и ступай вон (с. 166).

Таким образом, полицейская предосторожность, нацеленная на то, чтобы и поминальный список не стал «уликой», кощунственно вторгается в молитву о здравии, демонстрируя тем самым внешнюю религиозность генерала, использующего христианские установления для житейских расчетов.

Христианский мотив покаяния и исповеди, едва возникнув в рассказе, угасает, превращаясь в нечто себе противоположное. Спасшийся от начальнического неблагоприятия Свиный, «службист» и инициатор жестокого наказания Постникова, гонитель мягкосердечного Миллера, чувствует затем тяжесть на сердце и признается в том архиерею. Именно Свиный формулирует христианский смысл поступка Постникова: «...он понимал, что, *спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя*» (с. 172). В этих словах Свинына можно усмотреть аллюзию на евангельское: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13). Однако «владыко», пресекая эту попытку исповеди, оправдывает поступок кающегося, убеждает его, что здесь каяться не в чем, признает наказание правильным и именуется Постникова уже не «человеком», а «простолудином», рассматривая тем самым

произошедшее в аспекте социальной иерархии («наказание же на теле простолоудину не бывает губительно и не противоречит ни обычаю народов, ни духу Писания» – (с. 173)). Весь этот клубок лжи, который образовался вокруг свершившегося, владыка тоже оправдывает: «Неполная истина не есть ложь», а сам поступок Постникова следует, с его точки зрения, предать забвению: «Но что во всем сем наибольшее – это то, чтобы хранить о всем деле сем осторожность и отнюдь нигде не упоминать о том, кому по какому-нибудь случаю о сем было сказывано» (с. 173).

Все эти вышеупомянутые действия, совершаемые как исповедание веры во Христа, но по сути оппозиционные к подвигу праведника, составляют центральную и финальную части рассказа. Звучание мнимохристианских мотивов, начиная с седьмой главки и заканчивая предпоследней, семнадцатой, идет в рассказе крещендо, и внезапно обрывается в исключительно лаконичной последней главке, где автор, давая христианский взгляд на произошедшее, обостряет антитезу Бога и кесарева, духовного и мирского, приспособляющего христианство для целей житейского успеха, прикрывающегося христианскими установлениями, а на самом деле искажающими их.

Несмотря на то что прямое авторское слово звучит обнадеживающей нотой, «Человек на часах», как мы попытались показать, не соответствует лесковской теории святочного рассказа, изложенной во введении к «Жемчужному ожерелью» («От святочного рассказа непременно требуется <...> чтобы он оканчивался непременно весело»). Торжество в сюжете официальной бесчеловечности под личиной христианства не могут нейтрализовать сатирические штрихи в обрисовке сторонников наказания Постникова – владыки и Свинына, а также авторские слова о «героическом лице пьесы» и «святом порыве любви». Особую горечь рассказу придает то, что в мире, где христианство порой становится чисто внешним явлением, гуманист Миллер должен возглавить истязание Постникова, люди сердца – Миллер и Постников – оказываются бессильны против не знающего жалости Свинына, чьи поступки получают оправдание

не только с позиции житейской, но и церковной (слово владыки).

Авторская подготовка к последующему изданию этого рассказа ознаменовалась более подробным описанием тех служебных ходов, к которым прибегали карьерные люди. Сличение первоначального, напечатанного в журнале «Русская мысль», варианта рассказа [7, с. 117–135] с окончательным текстом показывает, что единственным внесенным Лесковым изменением в окончательный текст было укрупненное изображение карьерных маневров, в то время как звучание христианских мотивов не было усилено. Указанная вставка Лескова выделена в рассматриваемом фрагменте курсивом (соответствующий отрывок в журнале «Русская мысль» находится на странице 124):

«Свинын хотел скакать к великому князю Михаилу Павловичу и рассказать ему все чисто-сердечно. Такие маневры тогда были в ходу. Пусть великий князь, по своему пылкому характеру, рассердится и накричит, но его нрав и обычай были таковы, что чем он сильнее окажет на первый раз резкости и даже тяжело обидит, тем он потом скорее смиляется и сам же заступится. Подобных случаев бывало немало, и их иногда нарочно искали. «Брань на воротах не висла», и Свинын очень хотел бы свести дело к этому благоприятному положению, но разве можно ночью достучаться во дворец и тревожить великого князя?» (с. 162).

Таким образом, внесенное автором в окончательный текст добавление не делало более утешительной общую картину; напротив, оно лишь придавало типичности действиям Свинына – антагониста «главного героического лица пьесы» (с. 151). Характерные для творчества Лескова рождественско-святочные мотивы – победа добра над злом, торжество справедливости в этом мире, преображение человеческого сердца христовой любовью – отсутствуют в рассказе «Человек на часах». Властное звучание мнимохристианских мотивов, делающее заслугу Постникова еще выше, становится контрастным фоном для проявления мотивов подлинно христианских, в силу чего антитеза христианской любви и честолюбивого эгоизма приобретает трагический смысл.

1. Елизарова А. М. Вымышленное и реальное в рассказе Н. С. Лескова «Человек на часах» // Молодой ученый. 2022. № 6 (401). С. 64–66. URL: <https://moluch.ru/archive/401/88686/> (дата обращения: 30.09.2024).

2. Жолковский А. «Человек на часах» Лескова: вертикаль смысла // USC Dornsife. URL: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/vroon-sta/> (дата обращения: 16.06.2024).
3. Новикова-Строганова А. А. Добро без наград. Святочный рассказ Н. С. Лескова «Человек на часах» // Русское поле. 2020. Вып. 1. URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/11519> (дата обращения 18.02.2024).
4. McLean H. Nikolai Leskov: The Man and His Art. London, 1977. 780 p.
5. Федотов Г. П. О христианском гуманизме // Федотов Г. П. Собр. соч. : в 12 т. М. : Мартис, SAM & SAM, 2012. Т. 4. С. 214–220.
6. Михеева И. Н. «Петербургский текст» русской литературы в цикле Н. С. Лескова «Праведники» // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 153–157. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1510> (дата обращения: 20.06.2024).
7. Лесков Н. С. Спасение погибавшего // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 117–135.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 30.01.2025 г.; принята к публикации 28.02.2025 г.

Об авторе

Ильинская Татьяна Борисовна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Михайловская военная артиллерийская академия (195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22), tb-il3@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Elizarova A. M. Vymyshlennoe i real'noe v rasskaze N. S. Leskova "Chelovek na chasakh" [Fictional and real in the story of N. S. Leskov "The Sentry"]. *Molodoi uchenyi* = Young Scientist, 2022, no. 6 (401), pp. 64–66. Available at: <https://moluch.ru/archive/401/88686/> (accessed 30.09.2024). (In Russ.).
2. Zholkovsky A. "Chelovek na chasakh" Leskova: vertikal' smysla [Leskov's "The Sentry": the vertical of meaning]. *USC Dornsife*. Available at: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/vroon-sta/> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).
3. Novikova-Stroganova A. A. Dobro bez nagrad. Svyatochnyi rasskaz N. S. Leskova "Chelovek na chasakh" [Goodness without rewards. Christmas story by N. S. Leskova "The Sentry"]. *Russkoe pole* = Russian field, 2020, iss. 1. Available at: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/11519> (accessed 18.02.2024) (In Russ.).
4. McLean H. Nikolai Leskov: The Man and His Art. London, 1977, 780 p. (In Eng.).
5. Fedotov G. P. O khristianskom gumanizme [On Christian humanism]. *Fedotov G. P. Sobr. soch. : v 12 t.* = Fedotov G. P. Collection Works : in 12 vol. M., Martis, SAM & SAM, 2012, vol. 4., pp. 214–220. (In Russ.).
6. Mikheeva I. N. "Peterburgskii tekst" russkoi literatury v tsikle N. S. Leskova "Pravedniki" ["Petersburg text" of Russian literature in the Leskov's cycle "The Righteous Men"]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2017, no. 4 (28), pp. 153–157. Available at: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1510> (accessed 20.06.2024). (In Russ.).
7. Leskov N. S. Spasenie pogibavshogo [Salvation of the perishing]. *Russkaya mysl'* = Russian Thought, 1887, book IV, pp. 117–135. (In Russ.).

The article was submitted 26.12.2024; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.

About the author

Tatyana B. Ilyinskaya

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department, Mikhailovskaya Military Artillery Academy (22 Komsomola St., St. Petersburg 195009, Russian Federation), tb-il3@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.